

ПРЕМЬЕРА КИНО

Коммерсантъ - 2006 - 24 июль - с. 22

«Таково новое лицо Франции»

В Париже состоялась премьера фильма «Шайтан» режиссера Кима Шاپирона, афишами которого завешан весь город. На следующий день после этого с **ВЕНСАНОМ КАССЕЛЕМ**, играющим звероподобного монстра, в плену у которого оказалась компания юных прожигателей жизни, побеседовал **АНДРЕЙ ПЛАХОВ**.

Казалось, весь Париж собрался на эксклюзивный показ в кинотеатре Rex (в большой прокат «Шайтан» выйдет только через неделю). Прорваться в зал было непросто даже с билетами. Выглядел «весь Париж» как буйная толпа молодых людей самых разных цветов кожи — орущих, свистящих и приветствующих своего кумира Касселя. На сцене появились режиссер-вьетнамец и другие исполнители столь же мультикультурного состава — многие негритянско-го и арабского происхождения. Потом начался фильм: от начала до конца он сопровождался воплями и гоготом, как на просмотрах культовых B-movies, только что друг дружку не обливали водой. Вечер закончился под утро, и актер, в очередной раз познавший бремя славы, был немного утомлен, но все равно в отличном настроении. Он произнес фразу, которую всегда держит про запас при встречах с русскими: «Ты знаешь, как я живу?»

— **А как? Каким образом получилось, что вы стали культовой фигурой для целого поколения и для детей разных народов — в общем, для целой субкультуры?**

— Да вот как-то вышло само собой. После ролей в «Добермане», в «Ненависти», в «Необратимости» эти люди узнали меня. Я не играл в типичных французских фильмах, мне всегда нравилось, когда вокруг скопление разных цветов кожи, помесь разных религий. Это важно и в политическом смысле — на фоне жестов таких деятелей, как Саркози. Слово «шайтан», «сатана» восточного происхождения, это слово вошло в обиход определенного поколения и означает что-то вроде бандита. Сегодня мусульмане — настоящие или стилизующие себя под исламизм — очень многое определяют в культуре. А этнические французы все больше увлекаются темными, грубыми людьми, даже если они опасны и могут убить. Вчера на премьере вы видели другую Францию. Была стерта граница между сценой, экраном и залом. Это было интересное зрелище, настоящий хеппинг. Мы сознательно планировали этот эффект, смешав прессу, съемочную группу (которая впервые смотрела фильм) и в то же время продавая билеты для публики.

— **В титрах картины указана Моника Беллуччи: честно говоря, ее там трудно разглядеть.**

— Это бывает, когда артиста вырезают и включают только в приложения к фильму, которые выпускаются на DVD. Но в дан-

ном случае Моника играла вампира в черно-белом фильме, который захлеб смотрит зритель на автозаправке, когда туда совершают набег хулиганы. Такое уж у Моника амплуа: в свое время она начинала в «Дракуле» у Копполы.

— **Это можно считать очередным семейным проектом?**

— Моника моя жена, мать моей маленькой дочери и моя партнерша, я надеюсь сделать с ней вместе еще много фильмов. Но в то же время мы разные люди, не говоря о том, что я — мужчина, она — женщина, я — француз, она — итальянка. Часто мы бываем заняты в разных проектах и подолгу не видимся. Если ты требуешь свободы, то должен предоставить ее и другому. Но в чем-то мы очень схожи, а иногда мне кажется, что Моника даже безумнее меня: возьмите хотя бы роль, на которую она решилась в «Необратимости». В «Шайтане», конечно, она сыграла камео для меня — как член семьи, как друг. И другие мои друзья, которых я знаю больше десяти лет, снимались бесплатно. Вчера Моника была на премьере, и ей понравился фильм.

— **А ваш отец, актер Жан-Пьер Кассель, он видел картину? И что он думает о вашем творчестве, повлиял ли он на него?**

— Я стал актером благодаря отцу. Он привил мне вкус к профессии, дал понять значение пластики и танца. Но все, что я делал в дальнейшем, было вопреки его советам.

— **Вас разделяют политические взгляды?**

— В какой-то степени и это. Моя мать журналистка, ресторанный критик. Отец всю жизнь играл очаровательных, изысканных представителей буржуазии. Я же предпочитаю провокативные, жестокие роли. Его реакция на «Шайтан» типична для людей его круга: разве может им понравиться фильм, в котором героиня мастурбирует член собаки?

— **Благодаря этим провокативным ролям вы в свои 39 лет остаетесь кумиром молодежи. А сами чувствуете себя все еще молодым?**

— По крайней мере, я по-прежнему занимаюсь скейтбордингом, а не валяюсь на пляже. Если бы я не получал удовольствия от своей работы, я бы давно все бросил к черту и уехал на серфинг в Бразилию. Я не работаю ради денег — то есть не бес-

платно, конечно, но деньги не цель, а только средство.

— **Вы связаны с режиссерами Гаспаром Ноэ, Яном Куненом, Мэттью Кассовицем. Что вас объединяет?**

— Качество, которое я называл бы трансгрессивностью. Но с этими людьми нельзя постоянно находиться в одной группе, это как супружество: иногда надо развестись, чтобы соединиться опять.

— **Люк Бессон не входит в число ваших любимых героев?**

— Я ничего не имею против Бессона как человека, но не принимаю его профессиональный цинизм. Нельзя до седых волос болтаться с молодежью и продавать ей продукты из «Макдональдса», разбавленные рэпом.

— **Что вы думаете о недавних событиях на окраинах французских городов?**

— Я предчувствовал нечто подобное еще десять лет назад, когда снимался в «Ненависти», посвященной вызреванию именно этого конфликта. И вот оно случилось. С моей точки зрения, это была красивая революция: нет человеческих жертв, пострадали только машины, участвовали в основном дети и подростки, они зажали только в районах своего проживания, другим не нанесли ущерба. Если не будут решены проблемы образования и социальной защиты, взрыв опять повторится. Лицо французской молодежи изменилось. Алжирцы — а они составляют большинство иммигрантов — это мы сами, мы их создали. Надо принять новую реальность.

— **Вернемся к вашей актерской карьере. Вы снимаетесь в Голливуде в ролях «плохих парней»?**

— Да, однажды сыграл в фильме с Николь Кидман плохого русского: таких много в Париже так что было с кого срисовывать. Впрочем, это скорее стереотип восточного европейца в его отличии, скажем, от типичного представителя латинских кровей. Играл и плохих итальянцев, и кого только не играл. Стараюсь делать эти роли не совсем примитивными. Не предложат их мне — предложат кому-то другому. Но сниматься в Америке — это не моя мечта. Скорее мне хотелось бы работать во французском кино, но чтобы эти фильмы смотрели во всем мире.

— **Как смотрели «Ненависть» и «Добермана»?**

— Да, эти картины имели одинаковый успех во Франции и за границей. Может, такое произойдет и с «Шайтаном» — не знаю. Знаю только, что этот фильм пропитан подлинной энергией.

— **Вчера вы почувствовали себя звездой?**

— Эпоха Брижит Бардо давно кончилась. Не думаю, что во Франции сегодня есть звезды, кстати, само слово «star» — английское. Впрочем, есть секрет: если ты веришь, что тебя никто не узнает, можешь и впрямь спокойно ходить по улицам и наслаждаться анонимностью.